

АВТОБЮГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО¹⁾.

(1813—1862 г.).

ГЛАВА X.

Размышленіе отца по приѣздѣ домой. Сборы и выѣздъ въ Харьковъ. Невчастія на дорогѣ и первое знакомство съ барскимъ домомъ. Ахтырка и Богодуховъ. Мы въ Харьковѣ.

Возвратясь домой, отецъ мой тотчасъ же принялся устраивать дѣла для отъѣзда въ Харьковъ; ибо іюль уже былъ на исходѣ, а извѣстно, что съ 1 августа начинались уже въ университетѣ вступительные экзамены. Оставалось пробыть мнѣ въ деревнѣ не болѣе 5 дней. Въ это время я былъ уже совершенно здоровъ, только на головѣ моей не было волосъ, но это однакожь не мѣшало мнѣ нисколько наслаждаться, на прощаньи, природой и бесѣдою съ отцемъ, которая была всегда для меня истиннымъ наслажденіемъ. Отецъ мой въ молодости своей ѣздилъ довольно; не былъ— правда—за границей, но былъ въ Крыму и въ Польшѣ, и нѣсколько разъ посѣщалъ Москву; слѣдовательно поѣздка въ Харьковъ всего за 150 в. могла быть для него дѣломъ обыкновеннымъ... Но съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Крыму, въ Польшѣ и Москвѣ прошло отъ 40 до 30 лѣтъ, и эти 30—40 лѣтъ прожилъ онъ безвыѣздно почти въ своихъ хуторахъ, дѣлая только небольшіе выѣзды верстъ за 50 и не болѣе 80 по разнымъ дѣламъ домашнимъ. Поэтому-то предпо-

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1893 г., № 12.

лагаемая поѣздка въ Харьковъ за 150 в., недѣли на двѣ, въ самое время жатвы, и при томъ будучи старикомъ (ему было тогда 64 года) казалась ему нѣсколько затруднительною, чего въ особенности онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать отъ меня. Деньги въ это время у отца моего водились въ достаточномъ количествѣ, такъ что, не смотря на то, что въ предшествующее горестное время все семейство наше переболѣло,—онъ все таки собралъ до 500 р. ассигн. для Харькова.

„Вотъ мы поѣдемъ завтра,“ сказалъ мнѣ папенька въ послѣдній вечеръ, когда я, нагулявшись по полямъ и лѣсамъ, пришелъ къ нему въ любимую его пасѣку, гдѣ онъ проводилъ почти все свое время дня.

Я сказалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаю той минуты, когда скажутъ мнѣ, что я студентъ.

„А тебя это очень занимаетъ?“ спросилъ онъ

—О какъ же!

„Я этому душевно радъ, но совѣтую тебѣ помнить, что отецъ твой человѣкъ не богатый: это для того говорю я тебѣ, что тамъ много всякаго рода молодыхъ людей, а въ особенности богачей, для которыхъ наука дѣло второстепенное... для нихъ это, положимъ, можно, но для тебя наука должна быть первымъ дѣломъ—ты долженъ учиться хорошо и смотрѣть за братомъ своимъ, котораго отдаю на твои руки; будь уменъ, но старайся также и о нравственности; пока я живъ, я найду какія-нибудь средства васъ поддерживать; но умру—тогда всѣ должны дѣйствовать своимъ умомъ—на мать не надѣйтесь. Вы должны учиться, какъ теперь учатся—свѣта не перемѣнишь.... Когда окончишь курсъ въ университетѣ, я отошлю тебя въ Петербургъ на службу—можетъ быть тамъ выйдешь въ люди и братьевъ своихъ выведешь; я ничего для этого не пожалѣю“.

Я съ благоговѣніемъ слушалъ эту умную рѣчь отца, котораго съ младенчества привыкъ почитать и любить.

Мы собрались и поѣхали въ Харьковъ 28 іюля 1830 г. Утро было прекрасное, дорога гладкая, ровная. Бричка наша, хотя и наложенная сверху до низу разнаго рода поклажей, катилась свободно и довольно быстро, такъ что отецъ мой нѣ-

сколько разъ шутить, говоря; „эдакъ мы сегодня еще на ужинъ въ Харьковъ поспѣемъ. Хотя, разумѣется, мы принимали за шутку—не болѣе; однакожь все таки намѣревались ночевать въ Ахтыркѣ, отстоящей отъ нашего хутора въ 45 вер. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, какъ говоритъ по-ловица. Не успѣли мы проѣхать верстъ 12, какъ задняя ось въ нашемъ экипажѣ лопнула... И мы остались среди чистаго поля горевать..... Домой далеко, до ближайшей деревни Павловки версты 4—что дѣлать? Ужь, конечно-же, не назадъ а впередъ надобно ѣхать: кое-какъ увязали поломанную, ось—и отправились пѣшкомъ всѣ, даже кучерь, который долженъ былъ вести лошадей за поводья. Такимъ триумфальнымъ шагомъ мы благополучно достигли селенія Павловки, отецъ нашъ тотчасъ-же отправился къ тамошнему богатому помѣщику Евгенію Григорьевичу Бразолу, а мы остановились съ своимъ разломаннымъ экипажемъ въ домѣ одной дальней своей родственницы вдовы.

Не прошло получаса времени, какъ во дворъ нашъ явились человѣкъ восемь людей—взяли нашу бричку и почти на рукахъ вынесли ее изъ двора; къ намъ же въ комнату вошелъ лакей и сказалъ намъ, что просятъ насъ въ домъ пить чай. Мы отправились. Вошли въ комнату и нашли тамъ отца нашего, бесѣдующаго съ Брозилемъ. Мы были отрекомендованы и приняты ласково. Но я былъ рѣшительно уничтоженъ въ присутствіи знатнаго барина, сидящаго въ роскошно убранной комнатѣ. До тѣхъ поръ, я если и видѣлъ порядочную меблировку дома въ Полтавѣ у нашего директора Огнева; но это было слишкомъ далеко отъ того, чему былъ теперь свидѣтелемъ. Въ особенности поразилъ меня богатый чайный сервизъ на дорогомъ серебряномъ подносѣ и хорошо одѣтые лакеи, которые здѣсь прислуживали. Это было первое знакомство мое съ аристократизмомъ и потому весьма понятно мое смущеніе: я, бывши тогда весьма умнымъ и расторопнымъ мальчикомъ, безпрестанно робѣлъ и мѣшался. Напившись чаю, мы отправились на квартиру гдѣ по обычаю пустились бесѣдовать съ отцомъ о разныхъ матеріяхъ. Между тѣмъ былъ уже часъ 10-й. Когда мы собра-

лись уже приняты за трапезу, т. е. съѣсть кусокъ жареной индѣйки, взятой на дорогу, къ намъ вошли два лакея съ подносомъ, на которомъ было наставлено множество разныхъ закусокъ и кушаньевъ. Они сказали, что Евгений Григорьевичъ прислалъ ужинъ, зная, что здѣсь негдѣ ничего достать, и между тѣмъ какъ отецъ мой выказывалъ передъ ними свою благодарность заботливости ихъ барина, они разставили столъ, накрыли чистой скатертью, поставили приборы и бутылку вина... Папенька посмотрѣлъ на вино и сказалъ имъ: „а я вина почти никогда не пью, но такого хорошаго нельзя не выпить хоть рюмку“. Не знаю, какъ отецъ и братъ, а я ѣлъ все съ аппетитомъ: тогда-же я познакомился въ первый разъ и съ голландскимъ сыромъ. Ужинъ кончился. Лакеи ушли, а мы погрузились въ объятія Морфея.

На другой день чуть свѣтъ бричка наша стояла уже на дворѣ, совершенно исправленная, и папенька хлопоталъ укладывать вещи. Кузнецъ, видимо, довольный награжденіемъ, полученнымъ за трудъ, стоялъ передъ папенькой безъ шапки и вѣжливо докладывалъ, что уже такой шкоды не буде до Харькова—будьте покойны! Тройка выкормившихся лошадей запряжена, мы съѣли—и пылъ столбомъ. Кажется, сами лошади чувствовали, что они стремятся къ Харьковскому университету!!

Дорога прекрасная, гладкая ровная доставляла мнѣ большое удовольствіе.. Я увидѣлъ Ворсклу съ ея очаровательными берегами, монастырь, стоящій на дивномъ холмѣ, заросшемъ кустарниками и, наконецъ, самую Ахтырку.

Здѣсь отецъ рассказалъ мнѣ поэтическую легенду о монастыряхъ вообще—я слушалъ со вниманіемъ рассказъ о монашеской жизни, удаленной отъ бурь и тревоженій свѣта, объ эстетическомъ ихъ вкусѣ, съ которымъ монахи избирали такія восхитительныя мѣста для своихъ обитателей, что въ послѣдствіи еще болѣе уразумѣлъ, увидѣвши монастыри Будицскій, Хорошевскій, Куряжскій и слышавшись рассказовъ о Святогорскомъ.

Ахтырка была уже становищемъ татаръ—и въ виду этого становища святая обитель—сколько религіи и поэзіи вмѣстѣ!..

Въ Ахтыркѣ мы кормили лошадей, блии у образа чудотворной Матери Божіей—и поѣхали дальше. Проѣзжали по столбовой дорогѣ, на которой непрерывно встрѣчались намъ поселяне съ нагруженными сѣномъ возами, неслись почтовые тройки, по бокамъ которой волновалась богатая жатва и жнецы съ блестящими серпами и косами—я мало обращалъ вниманія на дѣйствительность: мысли мои были далеко, далеко!

Въ этихъ мечтахъ и грезахъ, навѣянныхъ на душу мою воспоминаніями прошедшаго, мы нечувствительно доѣхали до Богодухова, гдѣ и остановились ночевать. Я въ первый разъ тогда ночевалъ на постояломъ дворѣ, и потому все меня занимало: и непрерывное появленіе новыхъ лицъ, и неисчерпаемый источникъ горилки, льющейся въ глотки замысловатыхъ хохловъ, шумъ и гамъ жинокъ, и стоическое хладнокровіе шинкаря, который почти въ одно и тоже время долженъ былъ удовлетворять десять различныхъ требованій.

На другой день, чуть свѣтъ, мы были уже въ дорогѣ, кормили лошадей въ Ольшанѣ и къ вечеру въѣхали на Холодную гору, откуда представилось намъ очаровательное зрѣлище Харьковѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, видѣть Харьковъ въ первый разъ для человѣка, который, кромѣ Полтавы, другихъ городовъ не видѣлъ—задача не послѣдняя! Для меня же съ понятіемъ о Харьковѣ и съ воззрѣніемъ на него соединялось еще и чувство образованія—университетъ представлялся мнѣ въ обольстительныхъ лучахъ свѣта. Въ каждомъ каменномъ зданіи я думалъ отгадать это святилище науки и поминутно спрашивалъ отца: гдѣ же университетъ? Отецъ, который былъ въ Харьковѣ въ 1798 г., когда еще тамъ не было университета, не могъ удовлетворить моего любопытства. Едва только мы съѣхали съ Холодной Горы, тотчасъ же начали спрашивать себѣ квартиры, и какъ это было только предмѣстіе, то разумѣется, намъ совѣтовали ѣхать дальше въ городъ; переѣхавши площадь, на которой находится жандармская команда, мы ужаснулись громадною возвышающихся каменныхъ зданій и не смѣли уже спросить о квартирѣ: только въ концѣ Екатеринославской улицы остано-

лись возлѣ одного небольшого дома и спросили: нельзя-ли переночевать? намъ сказали, что можно, но потребовали по 2 р. 50 к. ассиг. въ сутки, и бричка наша торжественно въѣхала въ ворота дома купца Нѣмченка, что я тогда же и прочиталъ на прибитой сверху воротъ доскѣ.

Такъ какъ былъ уже вечеръ, то мы помѣстились въ отведенной намъ комнатѣ, рѣшились поужинать и лечь спать, къ чему побуждала насъ и усталость послѣ продолжительнаго пути. Я заснулъ скоро.

ГЛАВА XI.

Обозрѣніе Харькова. Университетъ. Экзамены. Я студентъ. Начало лекцій. Историческая лекція и смерть профессора исторіи. Товарищи. Холера и отъѣздъ во свояси. Карантинъ въ Кузюменѣ.

На другой день очень рано, какъ только-могъ рано проснуться отецъ нашъ, мы отправились осматривать городъ. Екатеринославская улица и тогда уже славилась своими громадными постройками, хотя впрочемъ многихъ домовъ, теперь существующихъ, тогда еще не было; но Московская поразила насъ особенно. Отецъ нашъ, который былъ въ Харьковѣ передъ тѣмъ за 32 года, т. е. въ 1798 г. рассказывалъ намъ, что этой улицы вовсе тогда не было, а вмѣсто ея было почти безвыходное болото, которое къ той сторонѣ, гдѣ теперь домъ купца Собкина, было заросше камышомъ, что это было уже за городомъ и что охотники ходили тогда стрѣлять утокъ и прочую дичь! Далѣе съ стороны университетскаго сада—чистое поле; тамъ же, гдѣ теперь церковь Мироносицы, было кладбище, котораго теперь и слѣдовъ не видно,—только развѣ тѣ слѣды, что при постройкѣ новыхъ домовъ вырываются иногда старыя кости. Мы вошли въ университетскій садъ: длинная, прекрасная аллея очень понравилась намъ, въ особенности же китайская бесѣдка, которая тогда была во всей красѣ своей; оттуда отправились по Сумской улицѣ къ дому дворянскаго собранія: какъ разъ противъ этого зданія находился прекрасный

бульваръ, неизвѣстно для чего послѣ уничтоженный; посидѣвши и отдохнувши съ 1/4 часа на этомъ бульварѣ, мы вошли въ церковь Николая и отслушали тамъ часть обѣдни, которая тогда отправлялась.

„Теперь пойдемъ посмотрѣть университетъ“ — сказалъ папенька, и я съ нѣкоторымъ душевнымъ волненіемъ вошелъ въ проулокъ, изъ котораго тотчасъ же и представился намъ университетъ. Папенька предложилъ мнѣ зайти въ правленіе университета, чтобы справиться: какъ, что и гдѣ должно представить и приложить.

Меня въ особенности поразила здѣсьнизменность служащаго люда: я увидѣлъ здѣсь почти то же, что въ уѣздномъ или земскомъ судѣ, между тѣмъ какъ надѣялся увидѣть людей совсѣмъ другаго рода—людей благовоспитанныхъ и благоразумныхъ. Папенька спросилъ какого-то приказнаго о своемъ дѣлѣ—онъ указалъ на другой столъ. Мы подошли къ другому столу. Столоначальникъ принялъ просьбу весьма сухо, сказалъ, что ему некогда, черезъ часъ приходите и т. п., но когда папенька потихоньку засунулъ подъ бумагу цѣлковаго, то тотчасъ же нашлось время и мы были удовлетворены совершенно: Узнали кому, когда и гдѣ подавать прошеніе, какіе нужны документы и въ добавокъ получили копію прошенія. Я переписалъ прошеніе, какъ можно лучше, и на другой день въ 9 ч. утра мы отправились къ ректору Н. М. Емлинскому. Прошеніе мое тотчасъ же было принято, помѣчено: „допустить къ экзамену“—и мы ушли. На другой день я долженъ былъ явиться въ университетскую залу, въ которой обыкновенно производятся экзамены, и которая для многихъ очень часто бываетъ *la chambre pas perdue*... По какому то внутреннему безотчетному сознанию я не боялся предстать въ этотъ ареопагъ—одна только математика пугала меня; но и здѣсь тотчасъ представлялось мнѣ въ радужныхъ лучахъ сочиненіе, которое я надѣялся написать хорошо и быть расхваленнымъ, какъ обыкновенно всегда почти расхваливалъ учитель словесности въ Полтавѣ. Но когда я предсталъ предъ это судилище и увидѣлъ весь многочисленный составъ профессоровъ, которыхъ—

безъ сомнѣнія—я считалъ тогда чуть не пророками и вѣщителями, меня одолѣла робость страшная: ни живъ, ни мертвъ я остановился у дверей залы, не смѣя итти далѣе въ своемъ старенькомъ, вовсе не по модѣ сшитомъ, сюртучкѣ, и голой отъ горячки головою... тогда я потерялъ рѣшительно всякое сознаніе собственнаго достоинства. Мнѣ стало страшно тѣмъ болѣе, что отецъ мой остался на крыльцѣ до окончанія экзамена, не имѣя права (по положенію) войти въ залу. Въ этомъ положеніи я оставался до тѣхъ поръ, пока подошелъ ко мнѣ какой-то профессоръ и спросилъ: изъ какой вы гимназіи? Я сказалъ. А, это гимназія хорошая, прибавилъ онъ и сказалъ мнѣ, что-бы я шелъ за нимъ. Первый предметъ, изъ котораго меня спрашивали, былъ французскій языкъ: меня заставили писать строчекъ 5 на доскѣ—я сдѣлалъ три ошибки въ орфографіи. Потомъ перевелъ строчекъ 10 изъ Телемака. Экзаменъ изъ латинскаго языка, исторіи, географіи, Закона Божія и прочихъ предметовъ не оконфузилъ меня—я получилъ хорошія отмѣтки; но профессоръ математики Празидкій сказалъ, что я ровно ничего не знаю, и записалъ нуль, а изъ фізики 4, изъ русскаго языка и словесности я получилъ 5, и сверхъ того профессоръ отозвался, что въ моемъ сочиненіи не нашелъ ни одной ошибки, и что мысли и слогъ есть... Сочиненіе мнѣ задано было: о любви къ отечеству; сколько помню, я дѣйствительно написалъ его хорошо. Вслѣдствіе всего этого математическій нуль мнѣ ничего не помѣшалъ и какой-то изъ благороднѣйшихъ г.г. профессоровъ лично поздравилъ отца моего, что его сынъ студентъ! Отецъ тутъ-же расцѣловалъ меня и благодарилъ добраго вѣстника такъ искренно и съ такимъ душевнымъ волненіемъ, что тотъ выразился тутъ-же весьма благосклонно обо мнѣ. Радость наша была неописанная: послѣ обѣда же мы отправились покупать шляпу и шагу—необходимые атрибуты студенческаго званія. Отецъ нашъ прожилъ еще въ Харьковѣ три дня, въ которые и меньшой братъ мой Андрей былъ принятъ въ первый классъ гимназіи. Выразить любовь и благодарность къ намъ за оказанные успѣхи отецъ старался чѣмъ только могъ: мы ходили смотрѣть волтижеровъ; намъ заказано было хорошее

платье, нанята квартира, хотя безъ чаю, но даны деньги на чай... Наконецъ, надобно было разстаться съ отцомъ надолго: онъ уѣхалъ, благословивши насъ на новый родъ жизни, къ исполненію новыхъ обязанностей.... „Я не прошу тебя учиться хорошо“, сказалъ мнѣ отецъ: ты и безъ моей просьбы будешь хорошимъ студентомъ, потому что любишь науки, но приказываю тебѣ быть нравственнымъ человѣкомъ, чтобы я на старости лѣтъ могъ порадоваться тобою, какъ ты радовалъ меня до сихъ поръ; надѣюсь, что ты не свяжешься съ какими-нибудь негодяями, а будешь искать товарищей добрыхъ, которые тебѣ могутъ пригодиться и которымъ ты можешь быть полезнымъ въ иное время. За братомъ смотри—онъ еще малъ, а ты уже опытный; показывай ему, чего онъ самъ не смыслить; Богъ наградитъ тебя за это; да и онъ, когда выростетъ и будетъ добръ, вспомнить о братѣ, который былъ ему съ дѣтства и нянькою и учителемъ.

Отецъ уѣхалъ; мы остались въ Харьковѣ одни на попеченіи судьбы, которая одна знала насъ. Долго еще мы не знали, что дѣлать—знакомыхъ никого не было, а лекціи не начинались. Наконецъ 30 августа настало; торжественный актъ совершенъ, и 1 сентября позвали насъ въ аудиторіи внимать мудрости университетской. Я вошелъ въ аудиторію съ какимъ-то необъяснимымъ трепетомъ: мнѣ казалось, что профессоръ, который явится, есть что-то сверхъестественное... ничуть не бывало: черезъ четверть часа вошелъ въ аудиторію толстый человѣкъ, довольно большого росту, взошелъ на кафедру, сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и потомъ началъ говорить о значеніи и важности исторіи, историческихъ источникахъ, способахъ изложенія и т. п., что мнѣ было извѣстно изъ разныхъ книгъ еще въ Полтавѣ; впрочемъ, я слушалъ очень внимательно, первая лекція сдѣлала на меня пріятное впечатлѣніе—она польстила моему самолюбію: я не только могъ все понять, сказанное профессоромъ, но и знать даже кое-что изъ того, что онъ говорилъ.

Послѣ этой первой лекціи вошелъ другой профессоръ логики Гринбергъ. Это лицо весьма замѣчательное: онъ собствен-

но былъ лекторомъ нѣмецкаго языка, по-русски ровно ничего почти не зналъ, но за смертію профессора философіи Дубровича ему поручено преподаваніе логики и этики. Этотъ-то Гринбергъ явился къ намъ послѣ проф. исторіи Филомафитскаго. Что онъ толковалъ, никто рѣшительно не понималъ, да и онъ самъ, кажется, не сознавалъ значенія словъ своихъ, потому что очень часто останавливался, не кончивши фразы, и извинялся, что онъ „изъяснить не могутъ“. Разумѣется, мы всѣ смѣялись—и лекція наша была веселымъ препровожденіемъ времени. На другой день тоже приходили къ намъ разные профессора: Артемовскій, Могилевскій и др.; но я всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ Филомафитскаго, чтобы повѣрять свои историческія знанія, и Гринберга, чтобы посмѣяться. Однажды, помню во вторникъ, мы ожидали Филомафитскаго: прошло уже около получаса, онъ все не являлся и мы не знали, чему приписать это; вдругъ является къ намъ въ аудиторію педель (теперь субъ-инспекторъ) и объявляетъ, что профессора не будетъ. Отъ чего? спросили мы. „Онъ умеръ!“ Это извѣстіе поразило меня ужасно, такъ, что я не могъ сказать слова и со слезами отправился домой. На другой день насъ собрали въ домъ умершаго профессора, на третій день было торжественное погребеніе, предшествуемое панихидой, за которой я плакалъ навзрыдь.

Когда хоръ пѣвчихъ запѣлъ: „упокой, Господи, душу усопшаго раба Божія боярина Евграфа“, я такъ сильно началъ рыдать, что обратилъ общее вниманіе, и инспекторъ, подошедши ко мнѣ, также со слезами на глазахъ, самымъ деликатнымъ образомъ предложилъ мнѣ выйти на чистый воздухъ и успокоиться.

На другой день, послѣ похоронъ профессора, дѣла приняли свой обычный ходъ: мы опять собрались на лекцію въ ожиданіи Гринберга, который—затрудняясь въ изъясненіи лекцій—имѣлъ привычку опаздывать минутъ 20,—мы шутили и смѣялись, съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія, кто займетъ мѣсто Филомафитскаго и вѣровали, что явится какойнибудь знаменитый ораторъ и будетъ все то благо, все добро! Въ лекціяхъ многіе изъ насъ находили жизнь, или—правильнѣе сказать—самыя лекціи считали жизнью.

О юность, прекрасная юность! Какъ обольстительны были для меня мечты твои! На скамейкѣ аудиторіи, окруженный товарищами, я съ жадностію ловилъ каждое слово профессора; я готовъ былъ вѣрить тогда, что преподаваемая намъ исторія есть истинная исторія, естественное правоистолкователь законовъ природы. Относительно ближнихъ и дальнихъ людей, я готовъ былъ среди самой лекціи обнять и расцѣловать товарищей; готовъ былъ разрѣзать руку и кровью своею написать клятву, что если буду полководцемъ, судьбою, правителемъ, господиномъ—то не въ петличку или на шею орденкохъ, не близость къ тѣлу своей рубашки, не manus manum levat,—но благо общее, слава родины, честь имени и совѣсть будутъ руководителями моими. И гдѣ вы теперь драгоценныя мечты юности послѣ тѣхъ жестокихъ опытовъ и примѣровъ жизни, которые заставили меня сдѣлаться школьнымъ учителемъ, чтобы по крайней мѣрѣ остаться честнымъ человекѣмъ, если нельзя—по выраженію поэта—не презирать людей.

О какъ глубоко запали въ душу мнѣ стихи:

Кто жилъ и мыслялъ, тотъ не можетъ

Въ душѣ не презирать людей (Пушкинъ).

Они объяснили мнѣ, что можно потерять вѣру въ достоинство людей, можно чуждаться ихъ, и, не преслѣдуя ихъ, не дѣлая, даже не желая имъ зла, можно остаться равнодушнымъ зрителемъ тѣхъ бѣдствій, которыя они сами себѣ причиняютъ.

Но и это ужасно!

Мы слушали и слушали разныя лекціи—инныя изъ книгъ, другія изъ тетрадохъ, и все это было такъ краснорѣчиво, такъ и ложилось прямо въ душу! Прошелъ августъ, прошла и половина сентября.

Вдругъ разнеслась молва о холерѣ—ужасъ обнялъ всѣхъ—страшное время! безъ ужаса нельзя его вспомнить. Смерть, плачь, молебны, гробы, восковыя свѣчи, общее уныніе, пустота—вотъ что представлялъ тогда Харьковъ!

Холера, холера, холера! раздавалось и тихо, и громко по всѣмъ улицамъ... О холерѣ толковали и въ аудиторіяхъ студентскихъ!

Однажды собрались мы, не помню на какую лекцію, и въ ожиданіи профессора разсуждали о постигшемъ насъ бѣдствіи... Много было толковъ о томъ, слѣдуетъ-ли уходить изъ Харькова или оставаться? Я былъ того мнѣнія, что лучше уѣхать; едва сказалъ я это, какъ подошелъ товарищъ Ренцицкій и объявилъ, что онъ не прочь отъ того, чтобы также ѣхать. Поразговорившись другъ съ другомъ и узнавши взаимно, что я долженъ ѣхать въ Зѣньковъ, полтавской губ., а онъ въ Городню черн. губ., мы рѣшились отправиться вмѣстѣ. Сказано—сдѣлано. Тогоже дня мы пошли нанимать извозчика и—не смотря на страшную цѣну 50 р. ассигн. до Зѣнькова, а равно и на то, что у меня въ карманѣ оказалось всего рублей десять ас., мы рѣшились завтра-же уѣхать. Касательно-же расходовъ Ренцицкій обѣщаль быть нашимъ кредиторомъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ и погостить у насъ въ хуторѣ съ недѣлю, если тамъ не будетъ на ту пору холеры.

На другой день чуть свѣтъ кацапская кябитка выѣхала изъ Харькова и въ той кибиткѣ помѣщались: я, братъ мой, Ренцицкій и нашъ мальчикъ. Весело и пріятно было намъ ѣхать: сентябрь былъ на исходѣ, погода прекрасная, обнаженные поля благоухали еще сушенымъ хлѣбомъ и соломой; на степахъ стояли стоги сѣна, и лѣса зеленѣли еще, изрѣдка только выказывая то красные, то золотые листы. На душѣ было свѣтло и радостно. Казалось, что уѣхавши изъ Харькова, мы спаслись отъ жестокой епидеміи—да мы и забыли объ ней вовсе, отъѣхавши верстъ 60. На другой день мы обѣдали въ Ахтыркѣ, вовсе не предполагая и ужинать тамъ-же. Но случилось вотъ какъ: пообедавши часу во 2, мы тотчасъ-же отправились въ путь, предполагая въ тотъ-же день быть дома; но, доѣхавши до Гнилицы, верстахъ въ 16 отъ Ахтырки, мы встрѣтили рогатки, такъ названный тогда кордонъ, состоящій въ томъ, что мостъ былъ закрытъ наглухо, и смотритель намъ объявилъ, что по сему тракту нѣтъ никакого проѣзду, что мы ѣдемъ изъ неблагополучнаго мѣста, а потому должны выдержать 2-хъ недѣльный карантинъ, что карантинъ этотъ учреждается теперь же въ Куземнѣ и что если намъ благоугодно, то мы можемъ возвра-

тяться въ Ахтырку, ѣхать другой дорогой на Куземинь, или возвратиться въ Харьковъ. Разсуждать было нечего, перемѣнить судьбы своей невозможно; но ѣхать въ Харьковъ вовсе намъ не приходило въ голову. Мы возвратились въ Ахтырку, переночевали и на другой день пустились на Куземинь... Тутъ-то уже взяло насъ раздумье—денегъ нѣтъ, извозчикъ сердится, угрожаетъ карантинъ... Но этимъ все горе наше не кончилось. Мы приближались уже къ Куземину, какъ вдругъ изъ лѣсу выходитъ толпа вооруженныхъ дубинами мужиковъ и съ крикомъ: „не наблжайсь!“ загородила намъ дорогу. Мы выскочили изъ кибитки, чтобы узнать причину такой мѣры, и къ сожалѣнію нашему узнали, что вѣсть о карантинѣ есть неоспоримая истина. Мужики сказали, что мы должны явиться къ смотрителю и отъ него уже узнать дальнѣйшій ходъ дѣла, а имъ только велѣно не пускать—и больше ничего. Смотритель, увѣдомленный о пріѣздѣ якихъ паничивъ, не замедлил явиться; но считая насъ зачумленными, не приближался къ намъ, но разговаривалъ на разстояніи 20 шаговъ. Узнавши, что мы не намѣрены возвратиться въ Харьковъ, онъ сказалъ: такъ подождите же, я сдѣлаю распоряженіе о помѣщеніи васъ въ карантинъ. Узнавши достоверно, что намъ необходимо держать карантинъ въ продолженіе 14 дней, мы должны были отпустить извозчика,—но тутъ то и явилось затрудненіе—не было достаточной суммы денегъ ни у меня, ни у Ренчицкаго. Здѣсь Провидѣніе послало намъ помощь съ такой стороны, съ которой мы вовсе ее не ожидали. Надобно замѣтить, что карантинъ въ настоящемъ значеніи, т. е. хаты карантинныя отведены были только для благородныхъ; всѣ же прочіе должны были выдерживать его на чистомъ воздухѣ подъ открытымъ небомъ въ долину близъ Ворсклы, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ застигло насъ страшное слово: не наблжайсь! Въ ожиданіи смотрителя, который долженъ привести насъ въ карантинъ, мы сошли внизъ съ горы и увидѣли цѣлый таборъ мужиковъ, мелкихъ торгашей и т. п. людей, изъ которыхъ многіе вчера только выѣхали въ Харьковскую губ. верстъ за 5, а сегодня застигнуты страшнымъ предписаніемъ о карантинѣ и не думая и не гадая

должны, были съѣсть въ карантинѣ на двѣ недѣли. Здѣсь то и явилось намъ спасеніе въ финансовомъ отношеніи. Намъ пришло въ мысль: нѣтъ ли у этихъ православныхъ десятка цѣлковыхъ подъ залогъ серебряныхъ часовъ, которые у меня стучали въ карманѣ—и дѣйствительно одна христіанская душа въ образѣ Збѣнковскаго мѣщанина, торгующаго полотнами, рѣшилась пособить нашему горю, даже безъ процентовъ. Эта душа объявила, что она очень хорошо знаетъ моего отца и потому съ удовольствіемъ даетъ въ займы денегъ,—часы-же беретъ только такъ—для случая. Мы взяли 10 цѣлковыхъ и тутъ-же рассчитались съ извощикомъ, который сей часъ-же отправился въ путь. Между тѣмъ явился и смотритель карантина, вмѣстѣ со докторомъ и 2 мужиками, которые несли горшокъ, наполненный *sulphura sublimata*, завороченную въ бумагу въ банкѣ. Докторъ нѣмецъ поразспросилъ насъ дурнымъ русскимъ языкомъ о здоровіи, смотритель записалъ въ особенную вѣдомость наши фамиліи, а мужики раздули между тѣмъ жаровню, и предложили намъ приблизиться; горсть *sulph sublim* высыпана была на горячіе уголья и мы должны были наклониться надъ этимъ благоухающимъ снадобьемъ и выдержать пытку; но этимъ еще не кончилось наше очищеніе. Вскорѣ затѣмъ принесенъ былъ глиняный тазъ съ хлориновой водой и мы должны были почти что купаться въ этой ароматической жидкости, т. е. смыть около 10 разныхъ оконечностей и отверстій тѣла—не много поболѣе какъ дѣлаютъ православные мусульмане по предписанію своего пророка. Между тѣмъ какъ подобныя операціи происходили съ нашими персонами, весь багажъ нашъ развѣшивали на жердяхъ, приготовили кучу навозу, зажгли—и куреніе обняло всѣ наши вещи отъ карнетокъ до треугольной шляпы включительно. Окончивши всю эту операцію, мы получили приглашеніе слѣдовать въ карантинъ... и многочисленный кортежъ отправился. Разстояніе отъ мѣста нашего окуриванія до карантина было недалеко (я думаю версты полторы), а потому по дорогѣ, не замѣчая разспросовъ смотрителя и доктора, я имѣлъ время налюбоваться очаровательнымъ мѣстоположеніемъ: чистая Ворскла медленно катила волны въ зеленыхъ берегахъ

своихъ,—по этимъ берегамъ разставлены были курени сторожей карантина,—далѣе на горѣ шумѣлъ лѣсъ, въ который такъ хотѣлось заглянуть мнѣ! Наконецъ' мы достигли карантина: это былъ посадъ или подоль, заключающій хать 15 не болѣе. Обитатели этихъ хать были погнаны въ слободу, которая видна была на разстояніи $\frac{1}{2}$ вер. До прихода нашего занято было только 2 хаты; намъ отведена была 3, которую мы и заняли. Отдавши нужныя приказанія и распоряженія, смотрители хотѣли удалиться, но мы проголодавшись препорядочно, задали имъ вопросъ: что-же мы будемъ ѣсть?—А вотъ завтра пріѣдетъ сюда маркитантъ, такъ можете накупить у него, что вамъ угодно; между прочимъ—нѣтъ-ли у васъ здѣсь въ Куземинѣ кого знакомаго, такъ я пошлю сказать ему о васъ, да и къ отцу вашему не угодно-ли вамъ написать: я посылаю сегодня нарочнаго къ исправнику въ Зѣньковъ. Я благодарилъ его за участіе и тотчасъ-же принялся писать; между тѣмъ просилъ уведомить о положеніи нашемъ въ карантинѣ сосѣдняго помѣщика Ѳедора Ивановича Трипольскаго, который—какъ мнѣ извѣстно было—находился въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ. Но всѣ эти распоряженія были хороши только для будущаго; въ настоящемъ-же намъ рѣшительно нечего было ѣсть въ буквальномъ значеніи слова. Огъ сторожей, караулившихъ насъ, мы узнали, что тамъ, за лѣскомъ, повезено кой-какой провизіи, „и горилка е“, прибавилъ одинъ хохоль. Это открытіе пролило новый свѣтъ на наше состояніе, и мы тутъ-же откомандировали одного изъ нашихъ аргусовъ купить чего-бы то ни было съѣстнаго и штофъ водки; при словѣ водка хохоль бросился со всѣхъ ногъ, и черезъ $\frac{1}{2}$ часа мы имѣли уже въ своемъ распоряженіи: большой ржаной хлѣбъ, десятокъ тарани, штофъ водки и 2 куска свиного сала. Эти продукты, конечно, не были благоприятны эпидеміи; но мы объ этомъ вовсе тогда не разсуждали и тутъ-же составили трапезу, принявши въ свои сотрудники и нашего метръ д'отеля, т. е. хохла, доставившаго всѣ эти припасы. Апетитъ у всѣхъ былъ порядочный, особенно приправленный малороссійскою горилкою.

Между тѣмъ дѣла наши приняли благоприятный ходъ. Ѳ. И. Трипольскій, узнавши о пребываніи нашемъ въ карантинѣ, тот-

гасъ же прїбхаль къ намъ и привезъ намъ нѣсколько бѣлыхъ хлѣбовъ, жареную индѣйку и масла, обѣщая на другой день прислать еще кое-что. Мы, конечно, благодарили его за участіе. На другой день утромъ, мы нашли въ сѣняхъ нашей хаты вязанку дровъ и ведро воды; изъ этого вывели такое заключеніе, что еслибъ было изъ чего, то можно было бы сварить борщъ или супъ, а Ренчинскій тутъ же объявилъ, что онъ готовъ принять на себя должность кухмистра на все карантинное время, объяснивши, что это дѣло ему хорошо извѣстно, такъ какъ онъ дома часто помогалъ матери своей, которая была хорошей хозяйкой. Я принялъ на себя должность прислужника, и такимъ образомъ рѣшились помогать и услуживать другъ другу, помня еще изъ гимназической статистики, что *vires unitae agunt*; такъ какъ это была осень, то въ огородахъ мы нашли нѣкоторые остатки зелени и овощей, т. е. свеклы, канусты, картофеля, моркови и т. п. Это открытіе навело насъ на ту мысль, что нельзя-ли съ помощію жареной индѣйки и масла, привезенныхъ вчера Трипольскимъ и найденныхъ въ огородѣ драгоценностей, приготовить супъ, котораго мы не видали уже цѣлую недѣлю. Рѣшено было, что можно, ибо все нужное для этого—кромѣ соли—есть. Соли купили на гривну у сторожа. Ренчицкій, скинувши свой студенскій виць-мундиръ, затопилъ печь, въ горшокъ налита была вода, я съ братомъ принесли картофель и морковь и—съ помощію Божіею—принялись стряпать обѣдъ. Часть индѣйки употреблена была на супъ, другая разогрѣта на жаркое. Часу во 2-мъ студенты Императорскаго Харьковского университета обѣдали самымъ вкуснымъ образомъ, имѣя даже водку и кусокъ пирожнаго, который какимъ то дивнымъ образомъ очутился въ чемоданѣ Ренчицкаго.

ГЛАВА XII.

Дальнѣйшая жизнь въ карантинѣ. Прїѣздъ въ деревню, практической человѣкъ. Жидовская кибитка. Деревенская жизнь студента. Отѣздъ въ Харьковъ.

Едва успѣли мы пообѣдать, какъ пришелъ къ намъ карантинный лѣкарь, какой-то нѣмецъ (фамиліи не помню), при-

командированный изъ уѣзда. Первый вопросъ его былъ о томъ, что мы ѣдимъ? Мы объявили ему, что обѣдъ нашъ состоялъ изъ индѣйки „Это хорошо! сказалъ онъ: только не кушать баранины и свина—а чай пить можна, индѣйка и гавадинъ можна кушать“. Послѣ этого онъ сдѣлалъ намъ еще нѣсколько діетическихкихъ наставленій, обмылъ насъ хлориновой водой—и ушелъ.

Вскорѣ послѣ этого мы обрадованы были пріѣздомъ нашего отца, который, получивши письмо мое, тотчасъ же отправился въ путь. Сидя въ своей хатѣ, мы были извѣщены объ этомъ черезъ сторожа; но видѣться и разговаривать съ отцомъ могли только на разстояніи 20 шаговъ. Поговоривши съ нами около часу, отецъ оставилъ намъ достаточное количество денегъ, чтобы не только можно было выкупить часы, но и жить двѣ недѣли, ни въ чемъ не нуждаясь, обѣщавши кромѣ того заѣхать къ Трипольскому и просить его о присылкѣ къ намъ самовара. Мы разстались. Самоваръ къ вечеру поступилъ въ наше распоряженіе. Въ тотъ же день и маркитантъ прибылъ изъ Зѣнькова со всѣми нужными припасами, и съ тѣхъ поръ жизнь наша въ карантинѣ сдѣлалась сносною. Но этого мало. Судьба позаботилась, чтобы мы не только были довольны и не скучали, но еще и весело проводили время. На другой день пріѣхали изъ Харькова товарищи наши, студенты Война и Дмитренко. Квартира имъ отведена была сейчасъ же возлѣ нашей хаты, и мы—увидѣвши ихъ—въ ту же минуту бросились къ нимъ; но сторожа общей безопасности преградили намъ дорогу, сказавши, что быть вмѣстѣ съ этими господами намъ никакъ нельзя, потому что мы сидимъ въ карантинѣ сутки, а они только что вступили. Мы обратились къ смотрителю, но и смотритель объявилъ тоже. „Впрочемъ, если ужъ вы непременно хотите быть вмѣстѣ, то можете; но только не иначе, какъ чтобы и вашъ карантинъ считался также съ сегодняшняго дня: я еще не подавалъ вѣдомости начальству и готовъ услужить Вамъ, показавши васъ всѣхъ поступившими въ одно время, т. е. сегодня“. Мы съ удовольствіемъ согласились пожертвовать днемъ, и въ самомъ дѣлѣ были вознаграждены за это. Война былъ чело-
вѣкъ богатый, а Дмитренко веселъ и беззаботенъ. Съ этихъ

поръ мы уже начали поживать припѣваючи. Кромѣ того, у Войны былъ взрослый человѣкъ, который про нужду сиравлялся и за повара. Къ концу первой недѣли Война успѣлъ своей протекціей у начальства исклопотать позволеніе намъ всѣмъ прогуливаться въ ближайшемъ лѣсу, чѣмъ мы съ избыткомъ воспользовались, т. е. рѣдко сидѣли въ хатахъ. Представьте себѣ прекрасный, свѣтлый и сухой октябрь, вѣковой лѣсъ, желтые листья, лежащіе кучами на землѣ, чистый воздухъ, свободу мысли и чувства, беззаботность, довольство—и можете представить себѣ, что заболѣть намъ не было никакой возможности... О золотое, прекрасное время! Пріятно и вмѣстѣ грустно мнѣ вспомнить тебя теперь, когда тотъ же бичъ Божій виситъ надъ нами, таже болѣзнь отмѣчаетъ перстомъ своимъ избранныхъ жертвъ—и теперь не ропщу на промыслъ Божій, съ вѣрою, терпѣніемъ и надеждою предаю себя его волѣ; но въ душѣ не то спокойствіе, какъ было за 17^{1/2} лѣтъ... и внутренней, и вѣшной міръ окруженъ не тѣми свѣтлыми мечтами, какъ было въ то драгоцѣнное время, и я не тотъ, и окружающіе меня не тѣ, и все не то! Одна вѣра въ промыслъ Божій была, есть и будетъ все таже... Подкрѣпи, меня Господи! Но все идетъ своимъ путемъ и достигаетъ цѣли, т. е. конца своего теченія—такимъ образомъ и терминъ пребыванія нашего въ карантинѣ окончился: лекаръ нашъ, который ежедневно приходилъ смѣшнить насъ, совершенно удостовѣрился, что мы не имѣемъ „никакая колера“, далъ отъ себя отзывъ, что такіе то окончили срокъ 14 дней въ карантинѣ и должны быть завтра выпущены,—и дѣйствительно рано утромъ мы уже получили отъ карантиннаго начальства дозволеніе оставить карантинъ. Въ этотъ же день должны были прислать за нами лошадей, которыхъ мы съ терпѣніемъ и ожидали. Часу въ 11 явился нашъ кучеръ Матвѣй, и такъ какъ мы уже считались здоровыми, то ему дозволено было войти въ нашу избу.

Признаюсь, мы не безъ сожалѣнія оставили карантинъ: намъ было такъ весело, что теперь вспоминать можно съ удовольствіемъ. Но нужно-же было ѣхать, и мы поѣхали, оставивши воспоминаніе о себѣ въ сторожахъ, которыхъ мы препо-

рядочно все время потчивали водкой, въ хозяевахъ нашей хаты, которые найдуть жилище свое опустошеннымъ, какъ послѣ набѣга татарь, и въ начальствѣ, которое посмѣется, увидѣвши презамысловато нарисованныя двѣ картины, изображающія—одна портретъ лекаря нѣмца очень похожій, а другая—мужиковъ съ дреколіемъ, останавливающихъ насъ возлѣ Куземина, съ надписью: не приближайсь! Итакъ мы уѣхали.

Здѣсь кстати сдѣлать маленькое отступленіе. Недалеко отъ Куземина живетъ помѣщикъ Кузьмичъ; услышавши о холерѣ въ Харьковѣ, онъ поспѣшилъ послать за дѣтьми своими, изъ которыхъ старшій воспитывался въ университетѣ, а младшій—въ гимназіи. Это было за недѣлю до учрежденія карантинна, который, впрочемъ, уже дѣятельно устраивался. Молодые Кузьмичи успѣли проѣхать благополучно и явились въ домъ родительскій въ совершенномъ здоровьи; но старикъ Кузьмичъ, наслышавшись, что холера—болѣзнь прилипчивая, рѣшился выдержать въ карантинѣ дѣтей своихъ по всѣмъ карантиннымъ правиламъ: они были заперты въ особенной избѣ, лишены всякаго сообщенія съ прочимъ людомъ и только черезъ 14-ть дней могли войти въ домъ. Какова твердость! Дорога отъ Куземина до нашего хутора прекрасная—всего верстъ 25. Осень хотя была и поздняя, но свѣтлая и сухая: часа черезъ три по выѣздѣ изъ карантинна мы были уже дома, гдѣ встрѣчены были отцомъ и маменькою съ распростертыми объятіями. Маменька, испуганная рассказами о холерѣ, увѣряла, что уже никакъ не отпустить насъ въ Харьковъ, и предлагала отцу опредѣлить меня въ уѣздный судъ, а Андрюша, говорила она, пусть подрастетъ еще. Отецъ, который никогда не любилъ говорить, молчалъ, но думалъ свое и, конечно, совершенно противное желанію и намѣреніямъ маменьки нашей. Съ нами же былъ и Ренчицкій, который также былъ принятъ ласково моимъ отцомъ.

Ренчицкій былъ бѣднякъ въ полномъ смыслѣ слова. Воспитавшись кое-какъ въ гимназіи, онъ рѣшился продолжать ученіе въ университетѣ и содержалъ себя въ Харьковѣ собственными средствами, т. е. давалъ уроки дѣтямъ такихъ ро-

дителей, которые не могли нанять настоящих учителей. Разумѣется, вся плата ему состояла въ квартирѣ со столомъ и въ сотнѣ руб. ассиг. жалованья въ годъ. Такимъ образомъ онъ прожилъ въ Харьковѣ болѣе года, будучи доволенъ всѣмъ, что послало ему провидѣніе... Но холера измѣнила нѣсколько планъ его дѣйствій: тѣ, у кого жилъ онъ, выѣхали—оставалось умирать, если не отъ холеры, то ужъ отъ голоду непременно. Ренчицкій предпочелъ ѣхать. Вы видѣли уже, до какой степени этотъ человѣкъ понималъ жизнь, изъ дѣйствій его въ деревнѣ, а особенно въ карантинѣ, гдѣ онъ оказалъ рѣдкую въ студентѣ спокойность—быть кухмистеромъ, т. е. попросту варить кушанья; но это еще было ничего въ сравненіи съ тѣмъ практическимъ направленіемъ, которое онъ оказалъ у насъ въ хуторѣ. Онъ входилъ во всѣ подробности житейскаго быта и хозяйства и—проживя у насъ около недѣли—былъ неразлучно съ отцомъ, который—какъ извѣстно всему околodu—былъ примѣрный хозяинъ: ни скотные дворы, ни пасѣка, ни винокурня, ни мельница, ни гумно не ускользнули отъ его вниманія, и во всемъ онъ показалъ такіа здравыя сужденія, столько участія и даже дѣятельности, что отецъ нашъ былъ отъ него въ совершенномъ восторгѣ. Очень часто, видя отца нашего уставшимъ, онъ предлагалъ ему идти отдохнуть „а мы съ С. А., говорилъ онъ, сами присмотримъ, какъ тутъ будутъ вѣять пшеницу“ или что-либо другое—и дѣйствительно, подобно настоящему хозяину, стоялъ или сидѣлъ тутъ же, пока вся пшеница была провѣяна, собрана въ мѣшки и отвезена въ амбары, послѣ этого онъ отпраплялся дать отчетъ. Признаюсь откровенно, что я хотя самъ очень хорошо понималъ хозяйство, благодаря отцу; но столько дѣятельности—по тогдашней молодости—не имѣлъ. Между тѣмъ нужно было ѣхать ему на родину въ Городню (черн. губ). Онъ попросилъ у отца лошадей съѣздить въ Зѣньковъ, чтобы нанять извозчика, что съ удовольствіемъ и было ему дозволено. Черезъ три или четыре часа онъ воротился, и затѣмъ въѣхала на дворъ жидовская кибитка парюю тощихъ клячъ: все это, включая сюда и стараго жиды съ ярмой, было нанято за 25 р. до Городни. Отцу казалось

это нѣсколько дорого, и онъ, зная хорошо состояніе Ренчицкаго, спросилъ: достанетъ-ли у него денегъ заплатить жиду. Онъ сказалъ, что у него всѣхъ денегъ только 17 р., но что онъ можетъ доплатить ему по прїѣздѣ домой, если у маменьки есть деньги, а нѣтъ—такъ гдѣ-нибудь займу. Папенъка предложилъ ему 15 р. въ подарокъ, говоря, что это онъ даетъ ему за труды по хозяйству, разумѣется, шутя. Послѣ маленькаго сопротивленія, деньги были приняты съ большою благодарностію: Ренчицкій и отецъ мой поняли другъ друга, а потому—кромѣ денежнаго подарка—наложено было въ жидовскую кибитку всякой всячины на дорогу: горшокъ масла, жаркое и т. п. Уѣзжая, онъ благодарилъ за гостепрїимство, а папенъка благодарилъ его за хорошее знакомство и просилъ продолжать оное и прїѣзжать на святки гостить „да будемъ также молотить, вѣять, гнать водку, молоть“, прибавилъ онъ. Еврей встряхнулъ своими пейсами, и кибитка покатилаь.

Я остался въ деревнѣ одинъ. О холерѣ я тогда вовсе не думалъ и держать діету вовсе не имѣлъ охоты. Разсуждать о ней съ кѣмъ бы то ни было не находилъ удовольствія, какъ теперь о политическихъ дѣлахъ Европы. Отецъ, единственный мой умный собесѣдникъ, часто говорилъ шутя: „да холера не найдетъ моего хутора—такая глушь, куда ей забратъся сюда“. И въ самомъ дѣлѣ изъ шутокъ вышло дѣло: холера не нашла нашего хутора—никто не только не умеръ, но и не былъ боленъ. Только теперь, черезъ 18 лѣтъ она нашла нашъ хуторъ, посѣтила и мое семейство и заставила думать о себѣ—другое время. Божія воля... Но объ этомъ послѣ!

„Чтожь мы теперь будемъ дѣлать“?—спросилъ меня однажды отецъ. Я отвѣчалъ ему, что буду готовить студентскія тетради, читать книги, заниматься съ братомъ Андреемъ и—если нужно—пособлять въ хозяйствѣ. „Все это очень хорошо“, отвѣчалъ мнѣ отецъ: но мы еще прибавимъ одно занятіе: будемъ читать св. писаніе—ветхій и новый завѣтъ по вечерамъ. Вечера теперь становятся длиннѣе (это было конецъ октября), такъ пусть всѣ занятія окончатся до свѣчей, а чуть свѣчи въ комнату—и св. книгу на столъ. Я плохо вижу, такъ вы по оче-

реди будете читать съ братомъ, а я послушаю васъ—это будетъ и полезно, и занимательно“! Я, разумѣется, принялъ это предложеніе съ восторгомъ. Такимъ образомъ, занимаясь по три часа вечеромъ, мы успѣли въ три мѣсяца прочесть всю біблію... Это было для меня урокомъ чрезвычайно важнымъ тѣмъ болѣе, что такія книги какъ Исаія, Іовъ, Соломонъ и др. не остались безъ надлежащаго, самаго здраваго толкованія. Такъ искусно, такъ мудро велъ отецъ мой образованіе отъ самаго, можно сказать, младенчества, Въ самомъ дѣлѣ, какъ проста, какъ необыкновенно гениальна была выдумка познакомить меня съ св. писаніемъ—и въ какое время? Съ одной стороны то, что я, будучи студентомъ, подвергался извѣ легкомыслія и вольномыслія студентскаго; съ другой и то, что самое время существованія эпидеміи какъ бы говорило, что теперь всего удобнѣе заняться объясненіемъ истинъ вѣры и нравственности. Признаюсь откровенно, что и сѣмя родительской любви и расположенности падало не на бесплодную почву: я съ охотой и удовольствіемъ исполнялъ все то, что требовалъ отъ меня отецъ. Не всегда можно и обвинять родителей въ невѣжествѣ и безнравственности дѣтей—очень часто отъ хорошаго корня происходятъ дурныя отрасли.

Такъ проходили осенніе и зимніе вечера. Они посвящались занятіямъ: чтенію, переписыванію, занятіямъ съ братомъ... но всего пріятнѣе было мнѣ посѣщать вмѣстѣ съ отцомъ и отдѣльно разныя хозяйственныя работы или гулять. Въ это время я вновь воскрешалъ въ своемъ воображеніи давнишнее знакомство съ природой, и тогдашніе лѣса, обнаженные отъ листьевъ, поля, покрытыя засохшей травой, санки и кони—знають, какъ я любилъ природу и умѣлъ восхищаться ею!...

Быль уже генварь мѣсяць 1831 г., къ намъ начали доходить слухи, что холера въ Харьковѣ совершенно прекратилась, и лекціи въ университетѣ начинаются. Надобно было собираться въ дорогу. Отецъ мой, вѣроятно, увѣрившись въ хозяйственности моей и неиспорченности характера, предложилъ мнѣ слѣдующее: „такъ какъ ты теперь, сказалъ онъ мнѣ, самостоятельный человѣкъ и можешь самъ распоряжаться своими

дѣлами; то я, обдумавши хорошенько, сколько можно мнѣ из-
тратить на тебя, а также и то, сколько тебѣ необходимо из-
трачивать, чтобы не терпѣть нужды (чего я не хочу), назна-
чаю тебѣ въ годъ 600 р. ас., да на Андрея 400 р.—всего 1000;
этого весьма будетъ достаточно и на квартиру, и на чай, и на
книги, и на все прочее. Разумѣется, если Боже сохрани, кто
изъ васъ заболѣетъ, то немедленно увѣдомляйте—тутъ уже
мнѣ самому нужно быть“. Это предложеніе отца весьма мнѣ
польстило, и я поразсчитавши, что этого будетъ довольно, со-
гласился и тутъ же получилъ 200 р., получивши предувѣдом-
леніе, что деньги будутъ высылаемы по мѣрѣ возможности и
надобности. Въ концѣ генваря по прекрасной санной дорогѣ
мы вновь отправились въ Харьковъ—и признаюсь, я ѣхалъ не
безъ удовольствія,—признакъ какой то учености, какого то про-
свѣщенія, хотя не ясно, но мелькалъ въ моемъ воображеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).